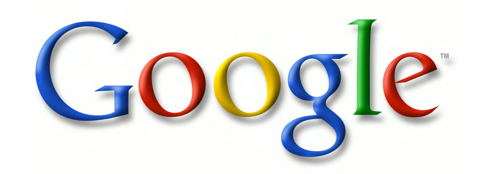

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

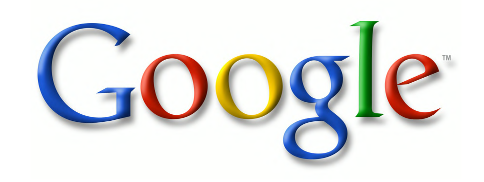
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

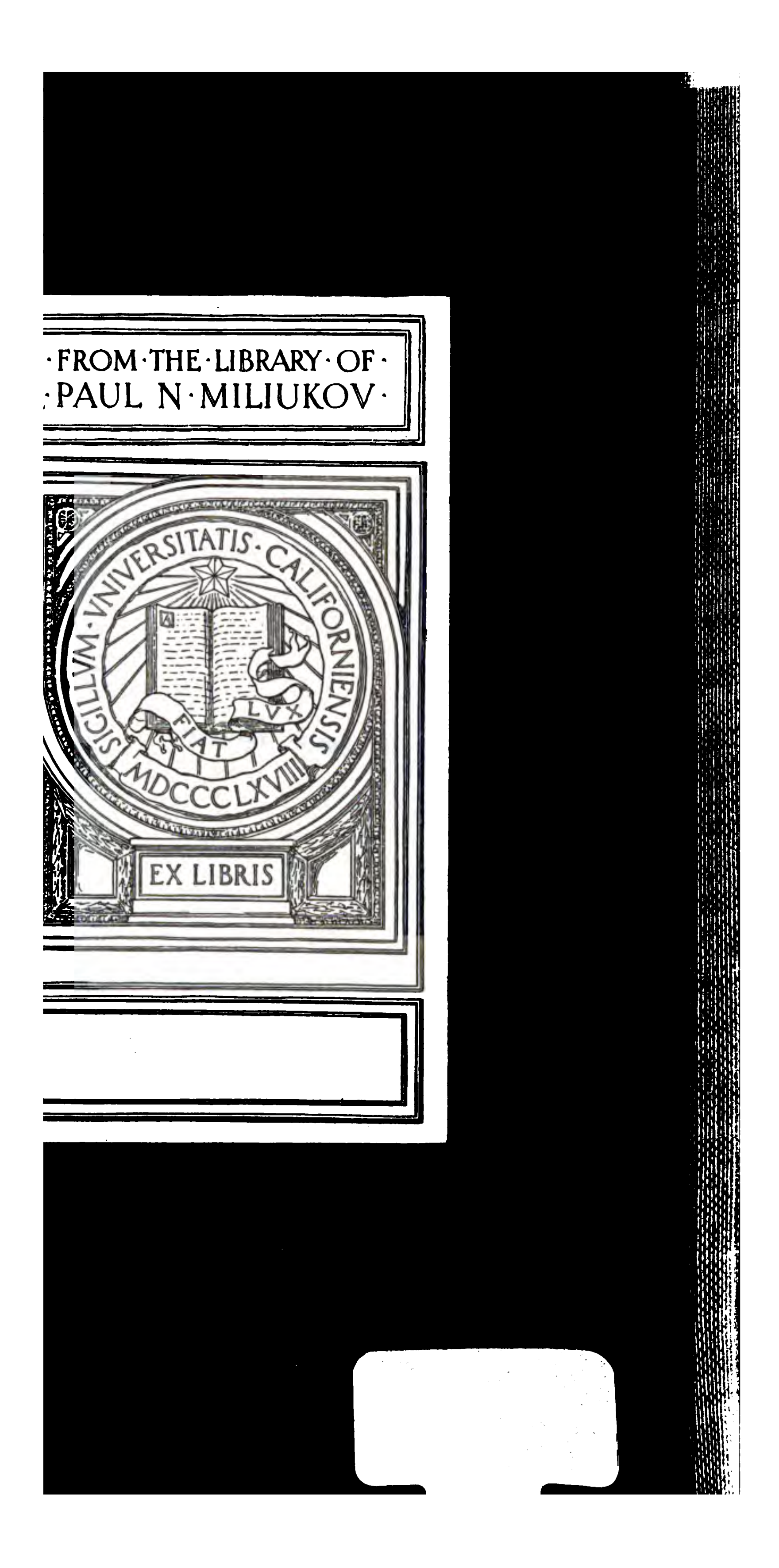
- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

HX
312
I7

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·
SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

A. A. Isaev

А. А. Исаевъ.

Kharakter

ХАРАКТЕРЪ

Russkoi Revoliutsii

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный Магазинъ А. Ф. Цинзерлинга,
бывшій МЕЛЬЕ и К°.
20. Невскій проспектъ, 20.
1906.

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

А. А. Исаевъ.

Kharakter

ХАРАКТЕРЪ

Russkoi Revoliutsii

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный Магазинъ А. Ф. Цинзерлинга,
бывшій МЕЛЬЕ и К°.
20. Невскій проспектъ, 20.
1906.

HX 312
.27

Въ основаніе этой брошюры положена рѣчь, произнесенная авторомъ въ С.-Петербургѣ, въ публичномъ собраніи, 30 октября 1905 года.

№22613

I.

Когда сопоставляешь общественное движеніе, среди котораго мы живемъ, съ движеніями на Западѣ, то прежде всего хочется сравнить русскую дѣйствительность съ тѣмъ, что испытывала Франція наканунѣ великой революціи. Цѣлый рядъ сравненій напрашивается самъ собою.

Историки, знакомя насъ со старой Франціей, передаютъ о бѣдности французскаго народа и, особенно, о поразительной нищетѣ деревень. Трудъ крестьянина отличался ничтожной производительностью. Его плуги были пригодны только для самой мелкой пахоты; малосильный рабочій скотъ не могъ глубоко обрабатывать землю; оси телѣгъ были изъ дерева, колеса не обтянуты желѣзомъ. Жалкое скотоводство оставляло мало удобренія: преобладали трехполье и даже двухполье; они дожили до 18 столѣтія изъ глубины Среднихъ Вѣковъ. Урожаи хлѣбовъ не превышали въ среднемъ самъ-5 — самъ-6; частые недороды, при бездорожьѣ того времени, вели за собою всѣ ужасы голода. Жалкая хижина безъ оконъ, съ землянымъ поломъ, безъ мебели, даже безъ кровати, полубѣлый хлѣбъ съ сорными травами, самыя грубыя овощи, свинина только въ большіе праздники, обувь лишь въ торжественные дни, 36 франковъ и 16 фунтовъ мяса,—годовой расходъ на душу,—такова была обстановка поселянина. Не безъ основа-

нія считаютъ чрезмѣрные налоги главной причиной этой нищеты: они брали отъ 54 до 71°/о изъ дохода крестьянина; а если пріобщить сюда и сборы, которые поступали помѣщику, то въ распоряженіи крестьянскаго двора оставалось даже меньше 1/3 его ничтожнаго дохода.

Въ крайней бѣдности жили и низшіе классы городовъ. Массы работниковъ въ самыхъ промышленныхъ городахъ—Парижѣ, Ліонѣ, Руанѣ,—не имѣли занятій и просили милостыню; въ началѣ второй половины 18 вѣка въ одной шелковой промышленности Ліона такихъ насчитывали больше 20.000. Въ зиму, сколько нибудь холодную, тысячи людей гибли отъ мороза въ парижскихъ кварталахъ, населенныхъ работниками.

А рядомъ съ этимъ наблюдаемъ подъемъ верхнихъ слоевъ торгово-промышленнаго класса. Второе десятилѣтіе 18 вѣка даетъ ему сильный толчокъ. Выростаютъ крупныя промышленныя заведенія; торговыя предпріятія, въ связи съ колоніальной политикой, пріобрѣтаютъ размѣры, неизвѣстные раньше; горожане даютъ государству взаймы милліоны за милліонами; изящный вкусъ и роскошь въ домашней обстановкѣ верхнихъ группъ городскаго сословія рѣзко бросаются въ глаза не только въ Парижѣ, но и въ Ліонѣ, Тулузѣ, Нантѣ.

Нужно ли напоминать о чрезвычайномъ бюрократическомъ произволѣ въ дореволюціонной Франціи! Чиновники всѣхъ ранговъ и наименованій лежали на странѣ тяжкимъ бременемъ. Они давили маленькихъ людей и доставляли всѣ облегченія, всѣ льготы немногимъ тысячамъ семействъ, — верхушкамъ дворянства, духовенства, капитализма.

Въ области финансовъ гнетъ былъ особенно тяжелъ. По закону, подати должны были быть распредѣлены равномѣрно, а дѣлалось все, чтобы облегчить богатыхъ плательщиковъ и взвалить побольше на самыхъ бѣдныхъ: сплошь и рядомъ, тамъ, гдѣ богатый долженъ былъ платить 2,000 франковъ въ годъ, онъ платилъ 1,000, а весь недоборъ взимался съ бѣднѣйшихъ. Во многихъ провинціяхъ прямые налоги падали на богатыхъ въ размѣрѣ $1^0/_0$ съ ихъ доходовъ и меньше, а съ маленькихъ людей брали 10—$11^0/_0$ и больше. Бремя отъ неравномѣрной раскладки податей увеличивалось еще болѣе вслѣдствіе жестокихъ мѣръ, съ которыми было связано ихъ взиманіе: за недоимки продавали съ аукціона послѣдніе пожитки маленькаго человѣка, а если не помогали и эти пріемы, то принуждали его содержать постояльца-солдата. Такой же произволъ проникалъ и всѣ другія сферы отношеній правительства къ подданнымъ: кто былъ близокъ къ королю, тотъ легко могъ посадить любого француза въ Бастилію и отдать въ руки палача.

Угнетеніе порождало непріязнь, страстное желаніе сбросить эти оковы. Отсюда—безчисленныя волненія; они вспыхивали въ разныхъ мѣстахъ государства и становились все болѣе часты. Съ 1789 года они разлились широкимъ потокомъ по всей странѣ. Помѣщичьи усадьбы горятъ; имущество расхищается; господъ, даже проживших всю жизнь въ деревнѣ и оказавшихъ услуги населенію, подвергаютъ насиліямъ, увѣчьямъ, смерти. Не безопасно и въ городахъ. И нерѣдко, при насиліяхъ, прикрываются именемъ короля, который, будто бы, это позволилъ.

Правительство пыталось измѣнить условія жизни

къ лучшему. При Людовикѣ XVI появились намеки на смягченіе произвола въ финансахъ. Однако, правительственный механизмъ слишкомъ устарѣлъ и заржавѣлъ, чтобы можно было обновить его.

Развѣ не наблюдаемъ въ нашемъ отечествѣ цѣлаго ряда явленій, которыя напоминаютъ о Франціи второй половины 18 вѣка?

Бѣдность русской деревни обозначается все болѣе рѣзко. Мѣстами въ хозяйство поселянъ вошли улучшенія, которыя поднимаютъ доходность земли: трехполье уступаетъ мѣсто четырехпольной системѣ полеводства; травосѣяніе позволяетъ держать больше скота; соха замѣняется плугомъ, и становится возможной болѣе глубокая пахота; есть даже случаи покупки минеральныхъ удобреній. Но все это—незамѣтные островки среди милліоновъ мелкихъ хозяйствъ. А типичный крестьянскій дворъ до послѣдней степени жалокъ: его орудія почти не отличаются отъ того, чѣмъ были 300 лѣтъ назадъ; его лошадь, часто немногимъ больше крупнаго теленка, и по ровной зимней дорогѣ едва тянетъ 20 пудовъ; его корова даетъ въ годъ 15—20 ведеръ молока, не больше $^{1}/_{8}$ того, что легко достигается въ хорошо поставленномъ хозяйствѣ; его сбруя, изба, ея внутреннее устройство, одежда, пища отличаются крайнимъ убожествомъ. Уровень потребностей этихъ милліоновъ гораздо ниже самыхъ скромныхъ предположеній, которыхъ держатся люди, знакомые съ деревнею только по наслышкѣ. Въ среднихъ крестьянскихъ хозяйствахъ Воронежской губерніи,—а она не бѣднѣе другихъ—годовой расходъ на каждую наличную душу не превышаетъ 53 рублей 5 копѣекъ. Нѣсколько больше половины этой суммы составляетъ стоимость

предметовъ, производимыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а нѣсколько меньше половины—денежный доходъ. Изъ послѣдняго слишкомъ 14 рублей падаютъ на издержки по хозяйству—арендованіе земли, покупку корма для скота; на личные расходы каждаго члена семьи остается, въ среднемъ, только 12 рублей: на одежду—2 рубля 21 копѣйка, на водку—1 рубль 65 копѣекъ, на чай и сахаръ—49 копѣекъ, на рыбу—45 копѣекъ, на мясные продукты—40 копѣекъ, на мыло—9,6 копѣекъ.

Малоземелье и тягость налоговъ—вотъ главныя причины этого убожества. Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи на 1 ревизскую душу приходилось въ 1860 году 4,8 десятинъ земли, а на наличную душу 3,5 десятинъ въ 1880 году и 2,6 десятинъ въ 1900. Недостаточность такого надѣла всего лучше доказывается степенью, въ какой, при среднемъ урожаѣ, крестьянское хозяйство обезпечено собственными продуктами для продовольствія и прокормленія скота. Оказывается, что изъ 12 районовъ, на которые дѣлятъ Россію, только въ трехъ раіонахъ—Восточномъ, Юго-Восточномъ и Новороссійскомъ—есть избытокъ средствъ продовольствія, и только въ одномъ—Сѣверо-Восточномъ—избытокъ корма для скота. Въ остальныхъ же мы находимъ большой недостатокъ того и другого; въ Промышленномъ раіонѣ крестьянамъ недостаетъ собственнаго продовольствія на $46^{0}/_{0}$, а въ Сѣверномъ—на $51{,}5^{0}/_{0}$. А недоборъ корма достигаетъ $70^{0}/_{0}$ въ малороссійскихъ губерніяхъ, $72^{0}/_{0}$ въ юго-восточныхъ и $86^{0}/_{0}$ въ новороссійскихъ. Пополненіе недочетовъ изъ арендованія казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ земель, большею частью, связано съ чудовищнымъ напря-

женіемъ силъ: въ густо-населенныхъ губерніяхъ арендная плата за десятину пашни доходитъ до 25 рублей, за десятину луговъ—до 40. Хлѣбъ и сѣно, которые крестьяне собираютъ на наемной землѣ, обходятся имъ гораздо дороже, чѣмъ стоютъ на рынкѣ.

Второй причиной нищеты служитъ система налоговъ. Прямыя подати занимаютъ подчиненное мѣсто въ русскихъ финансахъ. А косвенныя, которыя падаютъ на предметы общераспространеннаго потребленія, обрушиваются на бѣднѣйшихъ всею своею тяжестью. Налоги на сахаръ, чай, бумажную пряжу и хлопокъ, желѣзо увеличиваютъ цѣну этихъ товаровъ въ $1^1/_2$ раза и больше противъ того, чего они стоили бы при умѣренномъ обложеніи, и дѣлаютъ ихъ недоступными для массы крестьянства.

Все это ведетъ къ обѣднѣнію деревни. На 100 десятинъ удобной земли въ Россіи было 357 головъ рогатаго скота въ 1861 году и только 252 въ 1898. Недоимки составляли въ 1885 году неполныхъ 50 милліоновъ рублей; онѣ поднялись къ 1900 году,—если посчитать 168 милліоновъ, сложенныхъ съ населенія,—до 300 милліоновъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ недоимки далеко превышаютъ годовой окладъ: на $40^0/_0$ въ Воронежской губерніи, $53^0/_0$ въ Московской, $119^0/_0$ въ Нижегородской.

Таково положеніе крестьянъ, надѣленныхъ землею. Наряду съ ними много безземельныхъ. Мы находимъ ихъ во всѣхъ губерніяхъ, особенно, Новгородской, Нижегородской, Кіевской; въ Бессарабіи они составляютъ даже $23^0/_0$ всѣхъ сельскихъ жителей, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Таврической—до $50^0/_0$ населенія деревень.

Можно поразсказать много о бѣдности и город-

ского населенія, занятаго въ обработывающей промышленности, перевозочной и торговой. Кромѣ нѣкоторыхъ отраслей, съ платой сравнительно высокой, фабричный работникъ имѣетъ не больше 200 рублей въ годъ. Вычисленія, сдѣланныя въ разныхъ раіонахъ, свидѣтельствуютъ, что семья, если даже имѣетъ даровую квартиру и отопленіе, можетъ при 200 рублевомъ заработкѣ, покупать въ недѣлю 2 фунта мяса, 1 фунтъ сала и затрачивать на прихоти 40 копѣекъ ежегодно.

Положеніе кустарей, особенно при маломъ земельномъ надѣлѣ, еще болѣе жалко: годовой доходъ кустаря въ 70—80 рублей считается уже высокимъ; во многихъ производствахъ и округахъ онъ не превышаетъ 30 — 40 рублей.

А развѣ сберегательныя кассы не доказываютъ, что успѣхи русской фабричной промышленности подняли благосостояніе народа? Вклады въ сберегательныхъ кассахъ Россіи достигли примѣрно 1.000 милліоновъ рублей; а на 100 жителей количество лошадей уменьшилось отъ 1861 года почти на 9. Если бы, что необходимо для страны, вывозящей продукты сельскаго хозяйства, относительное количество лошадей только не уменьшилось, то было бы на 12 милліоновъ головъ больше, чѣмъ теперь (9% со 135 милліоновъ). При средней цѣнѣ лошади въ 50 рублей, мы имѣемъ недочетъ уже въ 600 милліоновъ. Подсчитавъ абсолютный, а тѣмъ болѣе относительный упадокъ и другихъ отраслей скотоводства въ Россіи, мы должны будемъ прибавить къ 600 милліонамъ, по крайней мѣрѣ, еще такую же сумму. А это перевѣшиваетъ капиталы маленькихъ людей, скопившіеся въ сберегательныхъ

кассахъ вслѣдствіе развитія промышленности и торговли.

Таково основаніе русской общественной пирамиды. У ея вершины мы находимъ людей, сохранившихъ обширныя земельныя владѣнія отъ далекаго прошлаго, помѣщичьи хозяйства въ десятки и сотни тысячъ десятинъ, и людей новыхъ, которые за послѣдніе полвѣка стали господами народнаго труда. Здѣсь—короли нефтяного и желѣзнодорожнаго міра, сахароваренія и металлургіи, крезы бумагопрядильной и шелковой промышленности; здѣсь— владѣльцы огромныхъ территорій, скупленныхъ у столбовыхъ дворянъ; здѣсь — милліонеры-меценаты, обладатели картинныхъ галлерей и хозяева литературно - ученыхъ салоновъ, смѣнившихъ гостиныя стараго боярства. Своими палатами, мебелью, одеждой, драгоцѣнными каменьями, лошадьми, пирами, пріемами они сравнялись съ людьми, которые насчитываютъ полтора — два десятка поколѣній благородныхъ предковъ; вліяніемъ, которое оказываютъ на многія тысячи рабочихъ съ ихъ семьями, они не уступаютъ помѣщикамъ прежнихъ временъ. Богатство же позволяетъ имъ быть кредиторами казны и дѣлаетъ ихъ волю волею государства въ разныхъ областяхъ общественной жизни.

А произволъ со стороны чиновниковъ? Нужно ли говорить, что до сихъ поръ ему не было предѣловъ и мѣры. Только за послѣдніе два года, когда неумолимая сила вещей сдѣлала печать болѣе свободною, о произволѣ органовъ правительства обнародовано безчисленное множество фактовъ, которые одни могутъ заполнить цѣлую библіотеку. Кто изъ русскихъ людей не испыталъ произвола на себѣ прямо

или косвенно, кто изъ-за него не видѣлъ своихъ плановъ разстроенными, своего времени потеряннымъ, своихъ вкусовъ и привычекъ, которые не вредили рѣшительно никому, нарушенными. Чѣмъ ниже ступень, занимаемая человѣкомъ на общественной лѣстницѣ, тѣмъ больше угнетаетъ его произволъ. Но его чувствовали и группы населенія, которыя и по общественному положенію, и по имущественнымъ средствамъ стоятъ гораздо выше безправнаго крестьянства или пролетаріата промышленности. Двадцать тысячъ русскихъ людей привыкли ежедневно читать извѣстную газету; и вотъ они узнаютъ, что она пріостановлена на 3 мѣсяца. Почему? Да просто потому, что министръ нашелъ недопустимымъ тонъ, какимъ она говоритъ о земскихъ начальникахъ. Вольно-Экономическое Общество жило и работало больше 100 лѣтъ; оно прилагало старанія къ тому, чтобы изучить русскую жизнь и содѣйствовать посильно ея улучшенію. И, вотъ, его закрываютъ. Почему? Только потому, что министръ не сочувствовалъ мѣрамъ, которыя были направлены Комитетомъ грамотности,—отдѣленіемъ Вольно-Экономическаго Общества, — къ поднятію народнаго образованія. Помѣщикъ устроилъ въ своемъ имѣніи читальню и пожертвовалъ строеніе и нѣсколько сотъ книгъ. Сплошь и рядомъ читальня стояла запертой длинный рядъ мѣсяцевъ; нужно было много времени, чтобы губернаторъ призналъ это начинаніе не опаснымъ и разрѣшилъ открыть читальню. Земство постановляло объ устройствѣ лѣтнихъ курсовъ для учителей; но губернаторъ отмѣнялъ постановленіе, находя, что такіе курсы возбуждаютъ умы. Учащіеся высшихъ учебныхъ заведеній хотѣли сами

завѣдывать своей столовой; но администрація запрещала въ увѣренности, что это грозитъ обществу серьезными бѣдствіями. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ репрессіи, безчисленныя, какъ песокъ морской, были безкровны. Что же говорить о произвольныхъ арестахъ, ссылкахъ на дальнія тундры, заточеніи въ темницы, о расправахъ нагайками и оружіемъ. Душу охватываетъ мучительная скорбь и негодованіе при мысли о тысячахъ и тысячахъ жизней, которыя погибли въ борьбѣ съ чиновничьимъ произволомъ. Отъ него были свободны только люди сановные и богатые.

Люди терпѣливы; они безропотно переносили бы многое въ этой правительственной вакханаліи, еслибы былъ хотя намекъ, что произволъ чиновниковъ способствуетъ движенію впередъ. Однако, какую сферу жизни мы бы ни взяли, мы видимъ результами этого безправія только обѣднѣніе, одичаніе и позоръ. Народная школа и другія просвѣтительныя начинанія земства, городовъ и частныхъ лицъ не оказали, вслѣдствіе произвола, и половины того благотворнаго вліянія на русскую жизнь, какое имѣли бы при господствѣ свободы. Я глубоко убѣжденъ, что, не будь органы самоуправленія парализованы администраціей, въ Россіи было бы теперь, по крайней мѣрѣ, на 10 милліоновъ больше грамотныхъ. Русскіе финансы, образующіе особый міръ, подчиненный только своему министру, тысячами насосовъ перекачивали въ себя все большую долю народнаго достоянія и довели $^9/_{10}$ населенія до утраты даже того, что необходимо для самаго скуднаго поддержанія жизни. Тріумфальное шествіе на Дальній Востокъ, предпринятое ради обогащенія

кучки промышленниковъ и вліятельныхъ мошенниковъ, закончилось несчастной войной и позорнымъ миромъ. Идіотизмъ и денной грабежъ со стороны высшихъ руководителей русской политики, — вотъ что мы видѣли въ теченіе многихъ лѣтъ.

Параллельно тому, что переживала Франція передъ революціей и въ ея началѣ, и въ Россіи идетъ смута, охватившая всю страну. Національная вражда вылилась въ тѣ удручающія формы, которыя выпали на долю Тифлиса, Баку, Шуши, всего Кавказа и Прибалтійскаго края и сказались въ безчисленныхъ еврейскихъ погромахъ. Классовая и политическая вражда выразилась въ насиліяхъ невѣжественныхъ городскихъ массъ надъ интеллигенціей, въ разгромленіи имущества промышленниковъ и торговцевъ, независимо отъ національности этихъ людей. Таковъ же смыслъ и столкновеній между крестьянами и помѣщиками: захваты земель, массовыя порубки лѣсовъ, разграбленіе и сожженіе помѣщичьихъ усадебъ, насилія надъ личностью землевладѣльцевъ. Революціонное движеніе сказывается также въ безчисленныхъ случаяхъ неповиновенія низшихъ должностныхъ лицъ высшимъ. Высшія и среднія школы самовольно приняли цѣлый рядъ рѣшеній, на которыя должно было быть получено согласіе министра; многія правительственныя учрежденія забастовали изъ сочувствія стачкамъ пролетаріата, требовавшаго коренныхъ перемѣнъ въ русскомъ государственномъ строѣ; во всѣхъ концахъ страны проявлялся мятежный духъ солдатъ.

Какъ при Людовикѣ XVI, такъ за послѣдніе годы въ Россіи были сдѣланы разнообразныя попытки освѣжить правительственный механизмъ. Было

рѣшено замѣщать должности на государственной службѣ только лицами, получившими высшее образованіе; былъ созданъ институтъ земскихъ начальниковъ, чтобы даровать благодѣтельную опеку населенію деревень; въ разныя мѣста Имперіи направлялись сенаторы для ревизіи мѣстныхъ властей и привлеченія ихъ къ отвѣтственности за злоупотребленія. Безчисленныя комиссіи работали надъ перестройкой всѣхъ отдѣловъ законодательства. Послѣдней четверти вѣка принадлежитъ рядъ мѣръ въ интересахъ бѣднѣйшихъ классовъ: издавались фабричные законы, чтобы облегчить положеніе промышленнаго пролетаріата; Крестьянскій земельный банкъ и развитіе переселеній изъ Европейской Россіи въ Азіатскую должны были поднять крестьянское хозяйство. Всѣ эти мѣры не принесли плодовъ: вторыя по своей незначительности, а бюрократія не могла, да и не хотѣла дать имъ широкіе размѣры. Первыя же не были способны оживить правительственный механизмъ, ибо система управленія оставалась та же: новые люди, какими бы ни обладали дипломами, и какія бы бюрократическія обязанности ни возлагались на нихъ, приспособлялись къ системѣ и усвоивали привычки, которыя изстари отличаютъ ея членовъ.

II.

Сходства много; но между до-революціонной Франціей и современной Россіей можно найдти и много различій.

Въ концѣ 18 столѣтія крупная промышленность Франціи была еще въ зародышѣ. Великія техническія изобрѣтенія, которыя незадолго до того пода-

рила человѣчеству Англія, и на своей родинѣ еще не получили значительнаго распространенія. Ручной трудъ господствовалъ во всѣхъ областяхъ производства; даже обработка волокнистыхъ веществъ стояла на такомъ низкомъ уровнѣ, что мануфактуры въ 300—400 работниковъ считались очень крупными предпріятіями. До начала желѣзнодорожной эры оставалось почти полстолѣтія. Сообщенія между городами и деревнями поддерживались по грунтовымъ дорогамъ, которыя были непроѣздны значительную часть года. О телеграфѣ и не мечтали. Нужно было не мало дней, чтобы изъ Парижа курьеръ привезъ извѣстія въ отдаленный конецъ маленькой Франціи. Города были только намеками на исполинскіе центры нашего времени: Парижъ, стянувшій къ себѣ всѣ силы Франціи, имѣлъ не больше 700.000 жителей, а изъ провинціальныхъ городовъ только немногіе поднимались до 100.000. Невѣжество народныхъ массъ было чрезвычайно велико: едва насчитывали одинъ милліонъ людей,—около 4°/₀ населенія,—умѣвшихъ читать. Такъ называемой общедоступной литературы еще не было.

Современная Россія отстала отъ странъ Запада, но отдѣлена отъ нихъ въ смыслѣ культурномъ не на 115 лѣтъ, которыя протекли со времени французской революціи. Русская промышленность еще не можетъ соперничать съ иностранной; но она усвоила главныя завоеванія техники и имѣетъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ—металлургіи, хлопчатобумажномъ дѣлѣ, суконномъ,—очень крупныя заведенія со многими тысячами работниковъ. Сѣть желѣзныхъ дорогъ перешагнула за 60.000 верстъ; телеграфъ соединяетъ центры съ самыми отдаленными уголками; гдѣ-нибудь

въ Слободскомъ или Черномъ Яру можно каждый день имѣть извѣстія со всѣхъ концовъ земли. Большіе города выросли въ средоточія разнообразной промышленной, торговой и обще-культурной жизни. Кромѣ двухъ столицъ, мы имѣемъ не мало городовъ съ сотнями тысячъ жителей. Число грамотныхъ, незначительное по сравненію со странами современнаго Запада, все же гораздо болѣе велико, нежели во Франціи конца 18 вѣка: оно составляетъ до $^1/_4$ населенія. И для этихъ 30 милліоновъ грамотныхъ въ бѣднѣйшихъ классахъ выросла за послѣднее 20-лѣтіе обильная и разнообразная литература. Итакъ, русское общество нашего времени является болѣе высокимъ соціальнымъ типомъ, нежели французское общество предъ революціей.

Такова среда; духовныя теченія, которыя волнуютъ и воспитываютъ ее, помогаютъ сложенію ея міросозерцанія, рѣзко отличаются отъ идей, одушевлявшихъ французовъ при разрушеніи государственнаго строя.

Философія 18 столѣтія создала естественнаго человѣка. Она порвала связь съ прошлымъ; она видѣла въ исторіи совокупность силъ, которыя образовали человѣка искусственнаго: короля, феодальнаго владыку, мѣщанина, пролетарія, господина и раба. Она смотрѣла съ пренебреженіемъ на эти покровы; человѣкъ представлялся ей опредѣленнымъ и неизмѣннымъ подъ всѣми широтами, во всѣхъ общественныхъ состояніяхъ. Естественный человѣкъ казался ей тѣмъ несложнымъ, однообразнымъ существомъ, которое одарено чувствами и разумомъ, ищетъ удовольствія, старается избѣжать страданія, стремится къ счастью. По своей природѣ, естественный чело-

вѣкъ свободенъ; всѣ различія между людьми только внѣшнія. Разъ всѣ свободны и равны, то нѣтъ основанія, чтобы, заключая между собою договоръ объ общежитіи, люди предоставили исключительныя выгоды кому либо изъ своей среды. Итакъ, всѣ равны передъ закономъ: ни отдѣльные граждане, ни семьи, ни классы не должны имѣть никакихъ привилегій. Никто не долженъ притязать на право, не предоставленное всѣмъ другимъ. Вслѣдствіе свободы и равенства всѣхъ, воля каждаго соединяется съ волями другихъ гражданъ; въ совокупности онѣ образуютъ верховную волю народа. Свобода, равенство, верховная власть народа—вотъ три основныхъ начала, изъ которыхъ исходило французское общество для совершенія революціоннаго переворота. Къ этимъ началамъ пріобщался верховный принципъ, руководящій людьми въ хозяйственной дѣятельности: каждый повинуется разсчету; каждый избираетъ путь, который ведетъ къ достиженію наибольшихъ хозяйственныхъ выгодъ. Разъ государство отказывается отъ вмѣшательства въ экономію народа, то, при господствѣ полной личной свободы, политическомъ равенствѣ, участіи всѣхъ гражданъ въ законодательствѣ, экономическая жизнь войдетъ въ русло, которое наилучшимъ образомъ обезпечиваетъ благополучіе всѣхъ.

Французскому обществу и даже главнымъ дѣятелямъ великой революціи не представлялось и въ туманныхъ очертаніяхъ, что хозяйство служитъ основой всѣхъ общественныхъ отношеній; они не сознавали, что широкая политическая свобода, равенство передъ закономъ и даже участіе каждаго въ опредѣленіи воли и цѣли государства недостаточны, не

гарантируютъ огромнымъ массамъ населенія того благополучія, которое такъ легко достигается въ системѣ отвлеченныхъ построеній.

Непониманіе важности явленій хозяйства доказывается планомъ Бабёфа; въ немъ наиболѣе рѣзко выразилась мечта революціи—о неограниченной возможности экономическаго творчества. Бабёфъ пріобрѣлъ нѣсколько десятковъ тысячъ приверженцевъ; онъ самъ и его ближайшіе сотрудники организовали силы своихъ единомышленниковъ съ большимъ искусствомъ; не найдись предатель, они низвергли бы правительство въ маѣ 1796 года. А между тѣмъ, ихъ программа ручается, что начинанія не могли быть жизнеспособны. Въ обществѣ, созидаемомъ по плану Бабёфа, не должно быть ни государства, ни правительства, ни церкви, ни науки и никакой частной собственности. Нужно забросить города, отречься отъ искусства, отъ высшаго образованія, отъ писательской профессіи. Все должно быть сведено къ одному уровню. Общности имуществъ должно сопутствовать такое воспитаніе людей, при которомъ никто не выдѣлялся бы изъ массы своимъ умственнымъ развитіемъ: читать, писать, считать, имѣть общее понятіе объ исторіи и географіи своей родины. Эта система общественнаго переустройства, дѣлая трудъ обязательнымъ для каждаго гражданина, освящаетъ только самые простые виды занятій: земледѣліе, скотоводство, рыболовство, ручные промыслы, мелкую торговлю, а также военное дѣло, воспитательное. Не запрещается и занятіе науками, но лишь тѣми, которыя будутъ признаны полезными для государства.

Удайся сторонникамъ Бабёфа политическій пере-

воротъ,—и въ общественную жизнь могли быть внесены на короткое время разныя перемѣны, приближающія къ осуществленію этой программы. Но человѣкъ, созданный исторіей, не далъ бы сломить себя: онъ не согласился бы на разрушеніе городовъ, ибо за длинный рядъ поколѣній привыкъ къ удобствамъ городской жизни; онъ не отказался бы отъ разнообразныхъ видовъ матеріальнаго и духовнаго труда, за которыми есть долгое прошлое; онъ не отрекся бы отъ пользованія завоеваніями техники, которыя ускоряютъ наростаніе богатствъ и помогаютъ болѣе полно удовлетворить потребности; онъ не мучилъ бы себя отказомъ отъ пріобрѣтенія знаній во всемъ томъ объемѣ и разнообразіи, на которые направляетъ его неудержимая сила мысли. Словомъ, онъ не согласился бы отречься отъ своей индивидуальности.

Человѣкъ, отъ котораго отправлялись силы, дѣйствовавшія во французской революціи, былъ существомъ одностороннимъ, искусственнымъ. *Преобразованіе направляется на вѣрный путь и обѣщаетъ людямъ непрерывное движеніе къ самымъ высокимъ идеаламъ частной и общественной жизни только въ томъ случаѣ, когда за точку отправленія берется реальный человѣкъ, какимъ его сдѣлала вторая природа—исторія.*

III.

Реальный человѣкъ былъ найденъ, когда философія обогатилась тремя истинами: 1) положеніемъ, что создаетъ только трудъ, что капиталъ не имѣетъ творческой силы, что двѣ вѣтви народнаго дохода—

прибыль и рента,—не самостоятельны, образуются изъ избыточной цѣнности; 2) положеніемъ, что борьба общественныхъ группъ является главнымъ условіемъ измѣненій во всей исторіи человѣчества, и 3) положеніемъ, что состояніе техники могущественно вліяетъ на всѣ стороны культуры.

Эти три положенія приняли законченную форму только за послѣднюю треть 19 вѣка; однако, они явились на свѣтъ задолго до трудовъ Маркса и Энгельса.

Считаютъ Сенъ-Симона отцомъ новаго величественнаго движенія мысли, которое вылилось въ научную систему и послужило основаніемъ для дѣятельности большихъ политическихъ партій во всѣхъ странахъ культурнаго міра. Такое мнѣніе требуетъ значительныхъ оговорокъ. Сенъ-Симонъ, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые приносятъ всю жизнь, со всѣми ея усладами, на служеніе одной великой идеѣ, былъ истиннымъ сыномъ революціи 1789 года. Какъ аббатъ Сіэйсъ требовалъ, чтобы третье сословіе было всѣмъ въ государствѣ, такъ С.-Симонъ хотѣлъ, чтобы во Франціи господствовали предприниматели. Революція разрушила феодальный порядокъ; возстановленные Бурбоны пытались воскресить его. С.-Симонъ взывалъ къ обществу; онъ убѣждалъ его уничтожить остатки средневѣковаго строя и стать промышленнымъ. С.-Симонъ утверждалъ, что осуществленіе его плана позволитъ Бурбонамъ мирно пользоваться наслѣдственной королевской властью, обезпечитъ богатымъ поддержаніе спокойствія и доставитъ бѣднымъ наибольшее количество работы, какое общество можетъ дать имъ. Его планъ состоитъ изъ такихъ положеній: 1) промышленники имѣютъ право

требовать отъ народа, чтобы, управляя въ интересахъ большинства, они управляли въ интересахъ промышленности; 2) они болѣе, чѣмъ всѣ остальные, способны опредѣлять цѣли государства; 3) имъ должно быть дано право составлять проекты государственной росписи доходовъ и расходовъ и обсуждать ее.

Такимъ образомъ, С.-Симонъ ставилъ имущіе классы, именно предпринимателей, во главѣ управленія государствомъ. Негодность современнаго порядка вещей не столько сознавалась С.-Симономъ, сколько чувствовалась. Онъ считалъ важнѣйшею обязанностью общества «заботу о классѣ наиболѣе многочисленномъ и наиболѣе бѣдномъ». Онъ приглашалъ своихъ учениковъ доискиваться причинъ обездоленности. Онъ отрѣшался отъ предразсудковъ, которые господствуютъ въ воззрѣніяхъ на частную собственность, побуждаютъ считать ее священною и неприкосновенною. Для общества, говоритъ С.-Симонъ, необходимъ законъ, установляющій право собственности, но нѣтъ надобности въ законѣ, который первоначально освятилъ это право.

Закладка зданія научнаго соціализма была сдѣлана въ Англіи. Считая трудъ единственной причиной мѣновой цѣнности, Томсонъ дѣлаетъ выводъ, что продуктъ труда долженъ безъ всякаго уменьшенія поступать тому, кто создалъ цѣнность своей работой. Въ современномъ обществѣ работники получаютъ меньше того, что создано ихъ трудомъ, только то, что крайне необходимо для ихъ существованія; весь же остатокъ цѣнностей, произведенныхъ ими, удерживается землевладѣльцами и капиталистами, какъ рента и прибыль. Томсонъ признаетъ, что работникъ долженъ платить собственни-

камъ за пользованіе ихъ зданіями, орудіями, сырыми матеріалами; но плата не должна превышать того, насколько эти предметы подвергаются изнашиванію. А доля продукта, на которую землевладѣлецъ и капиталистъ имѣютъ право, не должна быть выше платы, которую получаетъ въ данномъ предпріятіи работникъ, имѣющій самый крупный доходъ. Въ современномъ обществѣ нѣтъ условій, дабы осуществить такое распредѣленіе дохода. Законодательная власть сосредоточивается въ рукахъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ; на всѣ излишки сверхъ заработной платы, покрывающей только самыя необходимыя потребности тружениковъ, люди господствующихъ классовъ смотрятъ, какъ на свое правомѣрное достояніе—ренту и прибыль. Для установленія порядка, при которомъ работающій получаетъ всѣ плоды своего труда, Томсонъ предлагаетъ основаніе соціалистическихъ общинъ.

Вотъ мысли, высказанныя въ Англіи еще въ 1824 году. Немногимъ позднѣе и во Франціи эти мысли поступили въ умственный оборотъ. Въ лекціяхъ, которыя читалъ Базаръ съ одобренія другихъ учениковъ С.-Симона, ясно выражено признаніе права работника на весь продуктъ его труда. Это не формулируется такъ прямо, какъ у Томсона и нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ писателей, но содержится въ положеніи С.-Симонистовъ, что здравый общественный порядокъ требуетъ награды каждаго, согласно съ его заслугами. Право собственности въ его современномъ состояніи должно быть отмѣнено, ибо оно позволяетъ людямъ, владѣющимъ землею и капиталомъ, проводить жизнь въ полной праздности и угнетать рабочіе классы. С.-Симонисты даютъ въ

своей программѣ такое исповѣданіе вѣры: «Мы хотимъ отмѣны всѣхъ наслѣдственныхъ привилегій безъ исключенія; мы хотимъ освобожденія работниковъ и отмѣны праздности, которая пятнаетъ ихъ; мы хотимъ, чтобы пользовались почестями, уваженіемъ и довольствомъ только тѣ люди, которые кормятъ народъ, просвѣщаютъ его, возбуждаютъ своимъ вдохновеніемъ, т. е. промышленники, ученые и художники; мы хотимъ, чтобы пожиналъ тотъ, кто сѣетъ; чтобы плоды труда рабочихъ классовъ не были похищаемы праздными классами, которые ничего не дѣлаютъ, ничего не знаютъ, никого не любятъ, кромѣ самихъ себя... Мы хотимъ постепенной отмѣны всякой дани, которую трудъ платитъ праздности подъ разными наименованіями: найма земли, промышленныхъ заведеній и капиталовъ».

Одновременно съ С.-Симонистами, образовавшими многочисленную школу, Бюшезъ начертываетъ практическіе планы, въ которыхъ выражается признаніе, что прибыль и рента—продукты чужаго труда. Хозяйственный бытъ грядущаго общества, по мнѣнію Бюшеза, представитъ въ томъ рѣзкое отличіе отъ современнаго порядка, что не будетъ частной собственности на орудія производства. Всѣ люди, какъ сотрудники, будутъ пользоваться общимъ капиталомъ; каждый будетъ получать вознагражденіе, соразмѣрное со своимъ трудомъ. Не ожидая осуществленія такого строя въ близкомъ будущемъ, Бюшезъ предлагаетъ учрежденіе производительныхъ товариществъ, которыя служили бы дѣлу постепеннаго освобожденія рабочаго класса. Недѣлимость и неотчуждаемость капитала этихъ товариществъ ручается, что товарищества будутъ принимать къ себѣ все больше ра-

бочихъ и освобождать ихъ отъ эксплоатаціи въ частныхъ предпріятіяхъ.

Воззрѣнія Бюшеза стали извѣстны въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ. А въ 40-хъ годахъ Луи Бланъ прямо заявляетъ о непригодности современнаго общественнаго строя и требуетъ основанія производительныхъ артелей, которыя постепенно охватили бы все населеніе. Дабы преобразованіе совершилось спокойно, Луи Бланъ предоставляетъ капиталистамъ право вступать въ товарищества со своими капиталами; артели будутъ уплачивать имъ рыночный процентъ. Однако, товарищества захватятъ постепенно всю сферу промышленности; частныя предпріятія будутъ вынуждены прекратить свою дѣятельность.

Германія отстала отъ Англіи и Франціи въ экономическомъ развитіи, а потому соціалистическія идеи начали проникать въ германскую науку значительно позднѣе. Однако, въ письмахъ Родбертуса къ Кирхману—это было въ началѣ 50-хъ годовъ—проводятся мысли, однородныя съ ученіями Томсона и С.-Симонистовъ. Родбертусъ освѣщаетъ свои положенія ссылкою на рабовладѣльческое хозяйство. Земля, всѣ орудія производства и самъ работникъ принадлежатъ господину на правѣ частной собственности. При этомъ нормально поступленіе господину всѣхъ доходовъ, которые остаются за прокормленіемъ рабовъ. Но, вотъ, рабъ становится свободнымъ. Свобода измѣняетъ положеніе труженика въ юридическомъ смыслѣ, но не измѣняетъ отношенія этого труженика къ продукту. Право собственности на землю и капиталъ ведетъ къ тому, что продуктъ принадлежитъ собственнику орудій

производства, и работникъ получаетъ, въ видѣ денежной платы, только часть продукта: онъ вноситъ въ производство *n* количества труда, а получаетъ плату только за $^1/_2$ *n*. Такой исходъ неизбѣженъ. Если-бы труженики не хотѣли подчиниться такимъ условіямъ, то, получивъ личную свободу, не знали-бы, что предпринять. Они были освобождены нагими или только въ рубищѣ; они не имѣли ничего, кромѣ своей рабочей силы. Съ отмѣной рабства или крѣпостного состоянія исчезла нравственная и юридическая обязанность господъ заботиться о прокормленіи работниковъ. «У нихъ остались потребности; они должны были жить. Какъ же должны они были заботиться объ этой жизни при помощи рабочей силы? Брать изъ находящагося въ обществѣ капитала и производить съ его помощью нужное для своего содержанія? Но капиталъ, находящійся въ обществѣ, принадлежалъ не имъ, а другимъ, и блюстители «права» не потерпѣли бы этого. Голыми руками вырывать себѣ сырой матеріалъ изъ нѣдръ земли, дабы образовать для себя новый капиталъ? Если-бы даже это могло удаться имъ, то сама земля, даже не воздѣланная, принадлежала другимъ, а не имъ, и блюстители «права» также не потерпѣли бы этого. Что оставалось имъ дѣлать въ этомъ положеніи? Была только одна альтернатива: или ниспровергнуть право общества, или, при хозяйственныхъ условіяхъ, приблизительно сходныхъ съ прежними, но въ иномъ юридическомъ положеніи, вернуться къ прежнимъ господамъ, владѣльцамъ земли и капитала, и получать отъ нихъ, какъ заработанную плату, то, что они получали ранѣе, какъ кормъ». Освѣщеніе экономическихъ явленій при по-

мощи исторіи побуждаетъ Родбертуса заключить, что изъ общей массы народнаго дохода получаютъ долю люди, которые не принимаютъ въ трудѣ никакого участія. Присвоеніе ими ренты и прибыли возможно экономически, ибо трудъ работниковъ настолько производителенъ, что позволяетъ содержать и неработающихъ; оно возможно и юридически, вслѣдствіе права собственности неработающихъ на землю и капиталъ.

Къ имени Маркса сводятъ ученіе о борьбѣ классовъ; несомнѣнно, его заслуга въ выработкѣ этого ученія очень велика. Оно изложено имъ въ *Нищетѣ Философіи*, въ *18 Брюмера* и, особенно, въ *Манифестѣ Коммунистовъ*. Однако, было бы несправедливо забыть о предшественникахъ. Мальтусъ правильно отмѣтилъ состояніе борьбы, въ которомъ находятся отдѣльныя группы людей изъ за средствъ продовольствія, и послѣдствія, вытекающія изъ борьбы. Освѣщеніе того, что происходило на зарѣ исторіи и совершается теперь въ первобытныхъ обществахъ и даже странахъ высокой культуры, сдѣлано съ такою точностью, что не напрасно стало въ экономической литературѣ ходячимъ мѣстомъ. Заслуги Мальтуса въ собраніи и классифицированіи фактовъ неоспоримы; онъ правъ, обобщая эти факты понятіемъ о борьбѣ за существованіе. Но онъ несостоятеленъ, какъ скоро упускаетъ изъ вида, что эта борьба—явленіе общественное, связанное съ формами хозяйственнаго быта; онъ не правъ, считая эту борьбу, предопредѣленной отъ начала міра, неустранимой ни при какомъ общественномъ устройствѣ. Соціализмъ, отвергая предустановленную гармонію, уже отъ первыхъ своихъ представителей выравнивалъ почву

для того, чтобы сложилось ученіе о борьбѣ классовъ. У Луи Блана это ученіе является достаточно развитымъ. Хотя онъ нигдѣ не формулируетъ борьбу, происходящую въ обществѣ, какъ борьбу классовъ, однако, его мысль, что можно достигнуть экономическаго преобразованія только посредствомъ расширенія политическихъ правъ, доказываетъ ясность его представленія о борьбѣ классовъ. Разъ измѣненія общественнаго строя, выгодныя для массы населенія, не могутъ совершиться безъ пріобрѣтенія широкихъ политическихъ правъ народомъ, то, значитъ, нельзя разсчитывать, чтобы улучшенія сдѣлались сами собою, были дарованы свыше, имущими и господствующими классами. Предполагается, что народъ, владѣя политическими правами, будетъ бороться съ господствующими, будетъ стремиться пріобрѣсти выборами въ законодательныя собранія такихъ представителей, которые стояли бы за интересы неимущихъ. Наконецъ, ближайшимъ предшественникомъ Маркса является Консидеранъ. Онъ издалъ въ 1847 году манифестъ демократіи 19 вѣка; борьба классовъ характеризована въ этомъ манифестѣ яркими чертами.

Ученіе объ экономическомъ матеріализмѣ, развитое Марксомъ и Энгельсомъ, имѣетъ родоначальниками энциклопедистовъ и другихъ писателей, выдвигавшихъ географическую среду, технику и измѣненіе нравовъ въ ряды наиболѣе могущественныхъ факторовъ культуры. Но условія, при которыхъ созидалась научная система Маркса, были болѣе благопріятны для укрѣпленія мысли, что экономическія отношенія лежатъ въ основѣ другихъ фактовъ общественной жизни. Марксъ сдѣлалъ Англію пред-

метомъ своего изслѣдованія; эта страна, благодаря экономическому росту отъ половины 18 столѣтія, облегчала изученіе хозяйственной жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Политическая свобода, обезпечивая развитіе печати, союзовъ, собраній для всѣхъ общественныхъ слоевъ, давала изслѣдователю случай наблюсти, что повсюду экономическіе интересы занимаютъ главное или, по крайней мѣрѣ, очень важное мѣсто. Связь между хозяйствомъ и правомъ часто получала здѣсь самое яркое освѣщеніе. Организованіе промышленнаго пролетаріата въ союзы,—а это совершалось на глазахъ послѣднихъ поколѣній, — также давало отличную основу для упроченія экономическаго матеріализма. Своимъ возникновеніемъ и развитіемъ союзы рабочихъ должны быть сведены на ростъ крупной промышленности и, дальше, на измѣненія техники, которыя пошли быстрымъ темпомъ съ конца 18 столѣтія. Выросши изъ склада новѣйшей экономической жизни, союзы могущественно вліяютъ на измѣненіе права и другихъ сторонъ культуры. То стачками, то мирнымъ соглашеніемъ между нанимателями и наемниками постепенно установляется цѣлый міръ новыхъ отношеній, почти неизвѣстныхъ тамъ, гдѣ рабочій классъ не организованъ. Возникаетъ множество обычаевъ, вліятельныхъ въ этой средѣ, то свободно регулирующихъ связь между сторонами, то закрѣпляемыхъ санкціей закона. Внутри этихъ организацій совершается и другой процессъ — культурное поднятіе пролетаріата, его духовное развитіе. Постепенно создается новый типъ людей, неизвѣстный не только странамъ, экономически отсталымъ, но и отсталымъ отраслямъ промышленности въ странахъ высокой

культуры. Съ тѣхъ поръ, какъ живетъ человѣчество, накоплялись наблюденія, въ жизнь входили новыя начала и измѣняли ее. Но никогда, даже въ эпохи, которыя историки считаютъ періодами наибольшаго блеска, за короткое время не вошло въ жизнь столько новыхъ фактовъ, какъ за каждое поколѣніе 19 столѣтія. Проницательный умъ прошедшихъ вѣковъ только отмѣчалъ важность географическихъ условій для развитія человѣчества, только счастливымъ афоризмомъ, что «человѣкъ есть животное, дѣлающее орудія», какъ бы предвосхищалъ научную систему, которая теперь все болѣе упрочивается въ умахъ; мыслящій же человѣкъ, на глазахъ котораго строились желѣзныя дороги, проводились телеграфы и развивалось океаническое пароходство, не могъ не отмѣтить, что эти факты, бывши въ своемъ основаніи измѣненіями техники, быстро измѣняли экономическую жизнь и вліяли на всѣ стороны культуры. За 40 лѣтъ, между 1830 и 1870 годами, европейское общество измѣнилось больше, чѣмъ за цѣлыя столѣтія въ предыдущіе періоды.

Изъ этихъ теоретическихъ посылокъ слѣдуютъ и три основныхъ практическихъ вывода соціализма: 1) Должна быть устранена частная собственность на орудія производства. 2) Эта цѣль можетъ быть достигнута только посредствомъ классовой борьбы. 3) Стремясь къ поднятію уровня своего благосостоянія и духовнаго развитія, неимущіе классы должны вступить въ господство всѣми культурными пріобрѣтеніями, которыя завоевало человѣчество въ теченіе своей исторической жизни. Общественные классы, ведущіе борьбу для коренного измѣненія строя, должны опираться на доселѣшнее развитіе человѣ-

чества, отбрасывать все, что сковываетъ силы большинства, усвоивать и усовершенствовать то, что облегчаетъ это движеніе.

Новая философія цѣнитъ культурныя завоеванія во всѣхъ областяхъ жизни. Соціалистъ не сомнѣвается, что обширныя и разнообразныя познанія могутъ быть полезны людямъ, что высшее образованіе имѣетъ цѣну. Онъ выступаетъ противникомъ тѣхъ общественныхъ потрясеній, которыя могутъ сократить наполовину число народныхъ школъ и учащихся. Такъ же смѣло признаетъ онъ за благо и усвоиваетъ новое, что совершено въ условіяхъ матеріальнаго существованія людей. Онъ сочтетъ за неудачную шутку утвержденіе, что грунтовыя дороги представляютъ лучшій способъ перевозки людей и грузовъ, чѣмъ желѣзныя, что передача извѣстій курьерами обладаетъ преимуществами передъ сношеніями людей по телеграфу, что избы кустарей и ремесленниковъ и ихъ допотопныя орудія болѣе цѣлесообразны, чѣмъ обширныя промышленныя заведенія и огромныя автоматически дѣйствующія машины, что слѣдуетъ отказаться отъ паровыхъ плуговъ и молотилокъ и замѣнить ихъ русской сохой. Дорожа матеріальными успѣхами народа, онъ не можетъ сочувствовать такому обостренію общественной смуты, которое колеблетъ хозяйство до самаго основанія, ведетъ страну къ обѣднѣнію и одичанію. И если даже мирная борьба, напримѣръ, стачки, причиняетъ крушеніе множества предпріятій, угрожаетъ безработицей огромному числу людей, устрашаетъ иностранцевъ, дѣлаетъ невозможнымъ приливъ изъ-за границы капиталовъ, въ которыхъ страна нуждается, то онъ говоритъ стачечникамъ: «оста-

новитесь, подождите: великія завоеванія не совершаются съ одного удара»!

IV.

Жизненная сила соціализма коренится именно въ томъ, что онъ не изобрѣтаетъ человѣка, оторваннаго отъ времени и пространства, а считается съ человѣкомъ историческимъ. На прошлое человѣчества или отдѣльнаго народа не ставится крестъ. Историческій человѣкъ идетъ впередъ и пользуется въ своемъ движеніи всѣми тѣми вспомогательными средствами, которыя добыты умомъ и волею предыдущихъ поколѣній. Въ отличіе отъ французской революціи, великая русская революція дѣлаетъ именно такого человѣка своею отправной точкой.

Идеи соціализма вошли въ русское общество не со вчерашняго дня. Всѣ стадіи, которыя переживала соціалистическая мысль Запада, отражались и на движеніи русской общественной мысли. Даже Достоевскій, со своимъ старо-русскимъ политическимъ міросозерцаніемъ, увлекался въ юные годы идеями Фурье. Съ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка начала соціализма вплетаются въ русскую литературу, занимаютъ въ ней все болѣе замѣтное мѣсто, крѣпнутъ изъ года въ годъ. Чернышевскій былъ вѣрнымъ ученикомъ великихъ французскихъ соціалистовъ. Идеальный строй, который, по убѣжденію Чернышевскаго, можетъ быть осуществленъ въ русскомъ обществѣ, является воспроизведеніемъ «Промышленнаго міра» Фурье. Русскій мыслитель начертываетъ планъ товариществъ. Занимаясь земледѣліемъ и промыслами, они будутъ имѣть чисто демократическое управленіе и

приноравливать трудъ каждаго члена къ его наклонностямъ и дарованіямъ. Эти союзы не откажутся отъ привычекъ культурной жизни: они не будутъ группами опростившихся людей: каждое товарищество, располагая удобными и просторными жилищами для участниковъ, будетъ имѣть школу, библіотеку, залу для концертовъ. Чернышевскому ясна необходимость передать орудія производства въ собственность общества; онъ знаетъ, что прогрессивная работа должна опираться на завоеванія, которыя уже совершились; но у него еще нѣтъ отчетливаго представленія о борьбѣ классовъ: онъ ожидаетъ, что русское правительство стараго стиля поддержитъ новые союзы денежными ссудами, какъ оно помогаетъ акціонернымъ предпріятіямъ.

Съ 70-хъ годовъ соціализмъ вліяетъ на русскую литературу уже въ томъ законченномъ видѣ, какой получилъ въ трудахъ Маркса и Энгельса. Подъ гнетомъ цензуры и иныхъ формъ полицейскаго воздѣйствія литература въ предѣлахъ Россіи не могла выразить все воспитательное вліяніе, которое оказалъ на нее соціализмъ. Литературная дѣятельность русскихъ соціалистовъ переносится за предѣлы родины. Книги, брошюры, повременныя изданія занимаются теоретической разработкой вопросовъ народнаго хозяйства и публичнаго права съ точки зрѣнія соціализма, а еще больше—оглашеніемъ уродливыхъ явленій русской жизни и построеніемъ соціалистическихъ программъ, которыя соотвѣтствовали бы современному состоянію русскаго общества. Въ средѣ русскихъ соціалистовъ есть разновидности, есть разногласія относительно нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ политики, но всѣ они раздѣляютъ тѣ положенія, кото-

рыя служатъ основаніями международнаго соціализма.

Въ предѣлахъ Россіи наука, изящная словесность и публицистика, не отражая соціалистической мысли во всей полнотѣ, замѣтно испытали на себѣ ея вліяніе; оно сказалось во многихъ и разнообразныхъ формахъ. Соціализмъ, со своимъ страстнымъ влеченіемъ къ бѣднѣйшимъ классамъ народа, наложилъ печать на литературу о деревнѣ, на дружелюбные порывы въ пользу обездоленнаго крестьянства: соціализмомъ продиктованы многія изъ лучшихъ страницъ у Тургенева, Григоровича, Успенскаго и другихъ; къ соціализму, безотчетно для поэта, прислушивалась муза Некрасова; внимали завѣтамъ новаго ученія и земскіе статистики, когда изслѣдовали русскую деревню до самыхъ мелкихъ подробностей ея быта, съ усердіемъ и преданностью дѣлу, которыя не могутъ быть превзойдены. Во многочисленныхъ изысканіяхъ о жизни русскихъ рабочихъ негодующіе вопли по адресу капитализма раздаются также потому, что авторы не ушли отъ всезахватывающаго соціалистическаго потока. Не къ тому ли свести и попытки русскихъ людей организовать артели изъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ и среди рабочихъ промышленности?

Часто слышатся голоса, что русская интеллигенція не имѣетъ классоваго характера. Несомнѣнно, лучшіе представители русскаго образованнаго общества свободны отъ классовыхъ интересовъ господствующихъ сословій. Они чутко отзываются на запросы неимущихъ не потому, что нерѣдко сами близки къ нимъ происхожденіемъ и первоначальнымъ воспитаніемъ, а потому, что выступили на историче-

скую арену тогда, когда окрѣпло вліяніе новой философіи — соціализма.

За послѣднія десятилѣтія въ русской жизни было много условій, благопріятныхъ для того, чтобы новое ученіе не замыкалось въ тѣсномъ кругу. Крупное производство, развиваясь, образовало промышленныя единицы со многими тысячами работниковъ. Желѣзныя дороги, занимая сотни тысячъ служащихъ, приводили въ тѣснѣйшее общеніе множество людей, воспріимчивыхъ къ призыву соціализма. Грамотность распространялась не быстро; однако, старанія земствъ и городовъ привели къ тому, что съ конца 60-хъ годовъ выросли милліоны людей, хорошо грамотныхъ, съ живой потребностью въ самообразованіи. Были преграды для проникновенія къ народу книгъ, которыя начальство считало вредными, прежде всего, книгъ даже съ легкимъ оттѣнкомъ соціализма; но преграды обходились самоотверженными людьми, преданными дѣлу просвѣщенія народа. Одни своими настойчивыми ходатайствами проводили въ массы лучшія созданія легальной литературы; другіе, рискуя всѣмъ, перевозили черезъ границу запрещенныя изданія или печатали ихъ въ Россіи, въ тайныхъ типографіяхъ. Все вмѣстѣ создало у насъ обширную среду, охваченную духомъ соціализма.

Не заставляетъ ли все сказанное предположить, что соціализмъ въ Россіи — привозный товаръ, быть можетъ, вовсе не пригодный для русской жизни? Не является ли все это только подражаніемъ?

V.

Еще можно было бы отстаивать подобный тезисъ съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, если бы неумо-

лимые факты не доказывали истинности теоретическихъ положеній и безошибочности практическихъ требованій соціализма. Можно наблюдать эти факты, какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи.

Къ началу второй половины 19 вѣка въ сферѣ промышленности наступили явленія, которыя доказываютъ съ особенной очевидностью, что прибыль капиталиста слагается изъ присвоенныхъ имъ долей чужого труда. Преобладаніе мелкаго производства еще не выдѣляло прибыли предпринимателя въ самостоятельную вѣтвь народнаго дохода. Такое состояніе способствовало тому, что наука цѣпко держалась за предразсудокъ о самостоятельномъ происхожденіи прибыли. За послѣднія же десятилѣтія единоличныя предпріятія все чаще замѣняются акціонерными, и расширяется площадь, гдѣ можно наблюдать, что капиталисты стоятъ въ сторонѣ отъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ и ограничиваютъ свое участіе только полученіемъ прибыли. Такимъ образомъ, безгранично расширилось поле для наблюденій, которыя служатъ основою перваго теоретическаго положенія соціализма. А тотъ фактъ, что полная политическая свобода на Западѣ, особенно въ англо-американскомъ мірѣ, продолжаетъ увеличивать разстояніе между богатыми и бѣдными, доказываетъ безошибочность требованія соціализма о передачѣ орудій производства въ собственность всѣхъ: при сохраненіи нынѣ господствующаго экономическаго строя, неимущіе классы не могутъ подняться на высокую ступень культуры.

Для второго положенія — о борьбѣ классовъ — также получено незыблемое основаніе. Безчисленныя научныя изысканія доказали, что во всѣхъ обществахъ, съ тѣхъ поръ, какъ о нихъ повѣствуетъ исторія, круп-

ныя перемѣны совершались только вслѣдствіе борьбы разныхъ группъ—патриціевъ съ плебеями, дворянства съ буржуазіей, города съ деревней, цеховыхъ мастеровъ съ подмастерьями, предпринимателей съ работниками. Особенно краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ исполинскія стачки новаго времени, измѣняющія къ лучшему судьбы пролетаріата. За послѣдніе два года стачки въ русской промышленности благопріятно повліяли на положеніе работниковъ. А октябрьская стачка, развернувшая передъ нами картину особенно величавую вслѣдствіе забастовки желѣзнодорожныхъ служащихъ, произвела такое сильное давленіе на правительство, что манифестъ о политической свободѣ явился раньше, чѣмъ предполагали. Разъ теорія борьбы классовъ получаетъ такое твердое обоснованіе, то становится цѣлесообразнымъ требованіе дальнѣйшей борьбы для группъ, которыя занимаютъ нижніе слои общественной пирамиды.

Факты оправдываютъ также положеніе о могущественномъ вліяніи народнаго хозяйства и техники на всѣ стороны частной и общественной жизни. Именно за послѣднее время большіе города стали міровыми, городскіе центры начали привлекать къ себѣ массы сельскаго люда и преобразовывать типъ горожанина и даже поселянина. Именно за послѣднее время торговые договоры заняли выдающееся мѣсто во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ. Обширные отдѣлы экономическаго законодательства—фабричный, страховой, желѣзнодорожный и другіе—размѣстились наряду съ отдѣлами права, которые имѣютъ тысячелѣтнюю исторію. Вліяніе производства на успѣхи знанія никогда не обнаруживалось такъ ярко, какъ

теперь. Прогрессированіе отраслей промышленности, которыя изготовляютъ орудія и машины, сдѣлало возможнымъ устройство исполинскихъ телескоповъ, богатое снабженіе химическихъ лабораторій, клиникъ. Это оправдываетъ и выводъ,—переходящій въ практическое требованіе,—что всѣ стороны общественной жизни могутъ достигнуть тѣмъ болѣе высокаго развитія, чѣмъ полнѣе люди пользуются пріобрѣтеніями техники и самыми совершенными изъ уже извѣстныхъ формъ народнаго хозяйства. Забастовка на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ представляетъ тому самое блестящее доказательство. Она со всѣми своими политическими послѣдствіями не была бы возможна при гужевой перевозкѣ товаровъ, при разселеніи людей, живущихъ извознымъ промысломъ, на необъятномъ пространствѣ, при соединеніи ихъ только въ небольшія группы съ десятками или немногими сотнями участниковъ. Словомъ, стройная и важная организація, обнимающая десятки и сотни тысячъ людей, не была возможна при низкомъ уровнѣ техники, въ старомъ періодѣ народнаго хозяйства.

Россія, воспріявъ соціализмъ отъ Запада, провѣрила истинность этой философіи на фактахъ своей и иностранной жизни. Перенося къ себѣ это ученіе, она усвоила не то, что имѣетъ будущность среди англичанъ, французовъ или германцевъ, а то, что, вообще, пригодно для людей на извѣстномъ уровнѣ общественнаго развитія. Наиболѣе прогрессивная часть русскихъ людей пережила тотъ періодъ исторіи, когда можно было довольствоваться только политическими преобразованіями, хотя бы очень широкими, и частными реформами народнаго хозяйства, которыя не измѣняютъ его строя. Какъ русскій

промышленникъ, сооружая фабрику, не доискивается тѣхъ машинъ, которыя считались на Западѣ лучшими три четверти вѣка тому назадъ, а пріобрѣтаетъ машины, служащія послѣднимъ словомъ технической изобрѣтательности, такъ истинно чуткіе русскіе люди не могутъ довольствоваться идеалами, одушевлявшими смѣлыхъ борцовъ великой французской революціи; эти люди носятъ въ себѣ то, что собрало уже милліонные полки подъ знамя соціализма. Припомнимъ въ самыхъ общихъ чертахъ о различіи между идеалами новой философіи и чаяніями либераловъ.

Торжество либеральныхъ идей, переходъ отъ полицейскаго и сословнаго государства съ обломками феодализма въ буржуазный строй 19 столѣтія были большимъ общественнымъ переворотомъ. Но какъ былъ онъ скроменъ сравнительно съ тѣмъ, къ чему ведетъ современное движеніе! Для народнаго хозяйства переворотъ состоялъ въ томъ, чтобы разбить рамки крѣпостного права, цехового уклада, государственной опеки и открыть личнымъ силамъ просторъ для свободной борьбы. Въ концѣ 18 вѣка помыслы лучшихъ людей были направлены на то, чтобы похоронить привилегію рожденія, эту основу сословнаго государства, и открыть всѣмъ способнѣйшимъ доступъ къ вершинамъ общественной жизни. Но кругъ способнѣйшихъ, которыхъ, казалось, самъ разумъ призывалъ къ управленію страной, былъ ограниченъ городомъ, тогда еще незначительнымъ, и притомъ не цѣлымъ городомъ, а верхушками горожанъ. И теоретикъ, и практикъ, въ часы сентиментальнаго настроенія, конечно, были готовы допустить, что подмастерье столяра, слесаря, мужикъ можетъ стать во главѣ промышленной жизни или торговаго

оборота; но никто не думалъ объ этомъ серьезно. Всѣ были убѣждены, что, вслѣдствіе совершившагося переворота, огромная масса, $90^{0}/_{0}$ населенія, должна только получить другого господина и только измѣнить форму зависимости. Старинный помѣщикъ съ сотнями феодальныхъ правъ, цеховой мастеръ съ суровыми прерогативами относительно подчиненныхъ получали отставку; барщинныя повинности и оброки, пріуроченные къ опредѣленному участку земли, патріархальная почтительность подмастерій и учениковъ къ хозяину сдавались въ музей древностей. Но на сцену тотчасъ же выступали новые господа, новыя формы зависимости и новые способы угнетенія. Мѣсто стараго помѣщика занималъ новый, съ многочисленными надсмотрщиками. Главы промышленныхъ предпріятій, ставъ на мѣсто цехового мастера, радостно отказались отъ патріархальныхъ правъ, которымъ соотвѣтствовали кое-какія обязанности. За это они пріобрѣли многочисленную армію; ее дисциплинировали не столько они и весь персоналъ ихъ помощниковъ, сколько фабричный механизмъ. Многомилліонная масса, раньше закрѣпощенная, получила личную свободу. Служить по найму, вступать въ «свободный договоръ»,—вотъ вершина счастья, которую научная мысль и политика прогрессивнаго направленія считали нормальной для огромнаго большинства. Народъ, казалось, долженъ былъ признавать цѣли общежитія достигнутыми, разъ $10^{0}/_{0}$, $5^{0}/_{0}$ счастливыхъ, т. е. болѣе или менѣе богатыхъ и сильныхъ, устроютъ свою судьбу и позаботятся, чтобы вся остальная масса, получая условленную плату, прославляла мудрость творца, сдѣлавшаго возможнымъ такой порядокъ, и мудрость

законодателя, черезъ посредство котораго онъ осуществился.

Такъ-же относилась либеральная мысль и къ просвѣщенію народа. Было мало преградъ для того, чтобы обставить университеты большимъ количествомъ ученыхъ силъ, разнообразными вспомогательными учрежденіями, чтобы наполнить немногія библіотеки, дать странѣ среднія училища. Все это было необходимо, дабы $5^0/_0$ населенія—будемъ только ихъ называть гражданами,—имѣли доступъ къ знанію и пріобрѣтали посредствомъ школы новыя орудія, помогающія имъ удержать за собою выгодное общественное положеніе. А массы? Либеральная мысль считала величайшею заслугою общества уже то, что имъ будетъ дана грамотность, при чемъ сплошь и рядомъ проводниками грамотности въ массу были полуграмотные или безграмотные учителя. Что-же говорить о воспитаніи въ народѣ художественнаго чувства, о доставленіи эстетическихъ наслажденій? Когда феодальный порядокъ уступалъ буржуазному обществу, объ этомъ никто и не думалъ; даже самыя скромныя попытки въ этой области являются дѣломъ самаго послѣдняго времени. Такимъ образомъ, вѣнцомъ общественныхъ преобразованій, воплотившихъ либеральную мысль, было расширеніе круга привилегированныхъ, надѣленіе правами и привилегіями тѣхъ, кто уже ранѣе, самимъ положеніемъ дѣлъ, былъ близокъ ко властвующимъ классамъ, близокъ къ господству.

Можно ли сравнить съ этой программой задачи, которыя соціалистическая мысль ставитъ передъ человѣчествомъ! Устранить борьбу разрозненныхъ общественныхъ группъ; отмѣнить всѣ привилегіи, на

что-бы ни опирались онѣ,—на происхожденіе, заслуги предковъ, таланты, личныя достоинства;—пріостановить игру стихійныхъ силъ, которую представляетъ экономическая жизнь народа; замѣнить единичныя организаціи, законченныя внутри и не согласованныя во внѣ, однимъ цѣльнымъ производственнымъ организмомъ, части котораго, то обширныя по размѣрамъ, то мелкія, давали бы мѣсто для дѣятельности каждаго съ полнымъ сохраненіемъ его индивидуальности. Обратить въ полноправныхъ гражданъ всѣхъ: наряду съ мужчинами—женщинъ, наряду съ отпрысками древнихъ и знаменитыхъ родовъ—людей самаго скромнаго происхожденія и грубаго занятія, наряду съ одаренными отъ природы—малоспособныхъ. Доставить всѣмъ доступъ къ матеріальнымъ благамъ; онъ позволитъ каждому сохранить положеніе свободное, независимое, равно далекое отъ порабощенности, въ которой прозябаетъ теперь большинство, и отъ властности, составляющей удѣлъ немногихъ.

Дѣлая гражданами всѣхъ, соціалистическая мысль считаетъ своей важнѣйшей задачей открытіе для всѣхъ доступа къ духовной культурѣ. Два мотива лежатъ въ основѣ этого стремленія. Равенство всѣхъ, не воображаемое равенство либеральнаго государства, а истинное равенство соціалистическаго общества требуетъ, чтобы каждому были доступны сокровища, которыя вѣками накопили научная мысль и художественное творчество. Но есть и другой мотивъ: устраненіе всѣхъ привилегій, воцареніе равенства пролагаютъ дорогу для полнаго торжества демократіи. Мы видимъ на всемъ пространствѣ исторіи, что демократія, какъ скоро ей принадлежало господ-

ство, становилась охлократіей. Пока духовная культура, и притомъ довольно высокая, не преобразовала ума и чувства большинства, демократія является господствомъ черни. Оно не будетъ возможно въ соціалистическомъ обществѣ; пріобщеніе всѣхъ къ духовному достоянію, завѣщанному предками, сдѣлаетъ невозможнымъ вырожденіе демократіи въ охлократію.

Скажемъ, наконецъ, что соціалистическая мысль подняла руку на государство. Отбросить отъ государства все, что является формою угнетенія большинства меньшинствомъ, сохранить государство, какъ законченный механизмъ, который дѣйствуетъ отъ имени всѣхъ и для блага всѣхъ тогда и тамъ, гдѣ и когда меньшія общественныя группы не могутъ достигнуть цѣли,— такова задача соціализма.

Если даже недолго вдумываться въ программу истинной демократіи и хотя сквозь увеличительное стекло смотрѣть на то, что было дано человѣчеству переходомъ феодально-сословнаго государства въ буржуазное, то станетъ ясна громадность первыхъ задачъ и сравнительно скромныя перемѣны, которыя внесло торжество либерализма, осуществленнаго во имя интересовъ третьяго сословія.

Наивно разсчитывать, что основное требованіе соціализма—о передачѣ орудій производства изъ частной собственности въ общую—можетъ совершиться съ одного удара. Предстоитъ упорная борьба. Имущіе классы будутъ цѣпко держаться за свою позицію. Но невозможность достигнуть цѣли сразу не должна лишать насъ надежды на побѣду въ сравнительно недалекомъ будущемъ. Элементы отличной организаціи будутъ возрастать въ русскомъ проле-

таріатѣ. Единодушное дѣйствіе многочисленныхъ массъ при стачкахъ убѣждаетъ, что есть на лицо данныя для дружнаго натиска на защитниковъ современнаго порядка, а развитіе профессіональныхъ союзовъ, потребительныхъ и иныхъ артелей постепенно подготовитъ работниковъ для ассоціаціоннаго производства будущаго, для самостоятельнаго завѣдыванія промышленностью съ помощью національизованныхъ орудій труда.

Эти элементы, при правильномъ соціалистическомъ воспитаніи массъ, могутъ быстро развиться и принести желанные плоды. Соціалистическое воспитаніе народа, т. е. всестороннее ознакомленіе его со всемірной исторіей культуры, съ соціализмомъ, какъ философскою системой, со значеніемъ практической дѣятельности соціалистовъ, какъ орудіемъ для истиннаго освобожденія пролетаріата и крестьянства, съ программами соціалистическихъ партій въ разныхъ странахъ, съ положительными результатами дѣятельности соціалистовъ въ парламентахъ, городскомъ управленіи, въ союзахъ рабочихъ и т. д., должно охватить постепенно все населеніе Россіи. Если есть доступная для народа литература по исторіи, естественнымъ наукамъ, правовѣдѣнію, то можно выработать руководства по соціализму, понятныя не только всѣмъ группамъ пролетаріата промышленности, но и населенію деревень. Пусть эта литература, свободная отъ всякихъ примѣсей анархизма, проникаетъ въ обширныя фабрики, мелкія мастерскія и въ лачугу поселянина. Мирная, но настойчивая, неослабѣвающая проповѣдь соціализма успѣетъ скорѣе, чѣмъ, повидимому, можно надѣяться, перевоспитать многихъ русскихъ гражданъ, дать имъ

новое міровоззрѣніе. Среди имущихъ классовъ найдутся люди, которые, понявъ это ученіе, станутъ его усердными проповѣдниками. Въ темной средѣ мелкаго торговаго класса и мѣщанства, теперь враждебной лучшимъ разрядамъ интеллигенціи, найдутся для нея вѣрные союзники. Соціализмъ, всесторонне повліявъ на огромное большинство русскихъ гражданъ, смягчитъ рѣзкость общественной борьбы. И если-бы господствующіе классы, сомкнувшись, захотѣли искоренять соціализмъ съ оружіемъ въ рукахъ, то нашли бы мало людей, готовыхъ служить орудіемъ такого насилія.

Приближеніе Россіи къ соціалистическому строю можетъ быть наиболѣе ускорено рѣшеніемъ такихъ задачъ:

1) Образованіемъ единой соціалистической партіи изъ всѣхъ группъ, на которыя распадаются соціалисты, и выработкой программы примѣнительно къ особенностямъ русскаго быта.

2) Мирной, чуждой анархическихъ пріемовъ, но настойчивой борьбой для проведенія самой широкой свободы во всѣхъ сферахъ жизни. (Ограниченіе устнаго и печатнаго слова, напримѣръ, допустимо только тамъ, гдѣ слово прямо призываетъ гражданъ къ междоусобной войнѣ и т. п.).

3) Участіемъ въ законодательномъ собраніи и органахъ самоуправленія и неослабнымъ стараніемъ построить народное представительство на основахъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права.

4) Неустанной работой въ видахъ проведенія программы соціализма.

5) Поддержаніемъ другихъ партій, поскольку онѣ стремятся къ такимъ перемѣнамъ въ законодательствѣ и управленіи, которыя облегчаютъ осуществленіе программы соціалистовъ.

6) Широкой популяризаціей началъ соціализма изъ края въ край Русской земли.

RETURN TO → CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

LOAN PERIOD 1 HOME USE	2	3
4	5	6

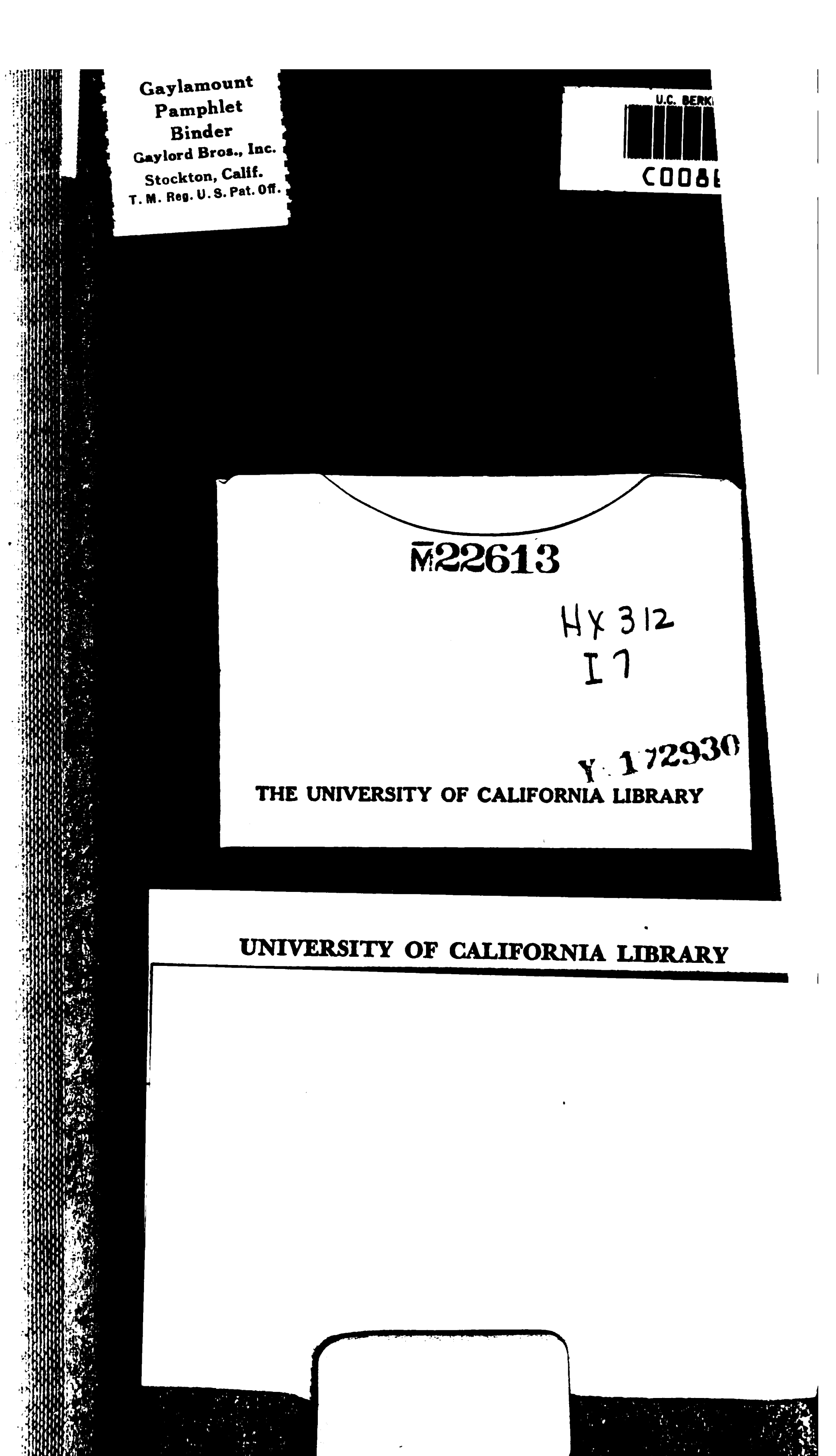
ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
RENEWALS AND RECHARGES MAY BE MADE 4 DAYS PRIOR TO DUE DATE.
LOAN PERIODS ARE 1-MONTH, 3-MONTHS, AND 1-YEAR.
RENEWALS: CALL (415) 642-3405

DUE AS STAMPED BELOW

FEB 01 1991		
AUTO DISC DEC 11 '90		
JUN 12 1993		
AUTO DISC CIRC	MAY 17 '93	
AUG 19 1993		
AUTO DISC CIRC	JUL 19 '93	

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
FORM NO. DD6, 60m, 1/83 BERKELEY, CA 94720

Цѣна 15 копѣекъ.

Gaylamount
Pamphlet
Binder
Gaylord Bros., Inc.
Stockton, Calif.
T. M. Reg. U. S. Pat. Off.
U.C. BERK
C008
M22613
HX 312
I7
Y 172930
THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY